

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА.

(Столѣтіе взятія Свеаборга).

(Окончаніе ¹⁾).

Вланъ взятія Свеаборга, видимо, обдумывался въ Петербургѣ до начала кампаніи, и, вѣроятно, тамъ уже рѣшено было прибѣгнуть къ разнаго рода воздѣйствіямъ на гарнизонъ. Такое, хотя и нѣсколько шаткое предположеніе создается при чтеніи дневника Р. Ребиндера (*Souvenirs de ma vie*), въ которомъ отмѣчено его удивленіе по поводу разговоръ нѣкоторыхъ офицеровъ, съ цѣлью присутствовать при капитуляціи Свеаборга, того Свеаборга, который съ самаго дѣтства Ребиндера былъ запечатлѣнъ въ его воображеніи, какъ образцовое твореніе соединенныхъ силъ искусства и природы. (Кастренъ, 259—260).

Русскую главную квартиру сопровождалъ въ походъ особый «дипломатическій» отдѣлъ, въ составѣ котораго, въ дни осады сѣвернаго Гибралтара оказались нѣкто Шредеръ (*Schroeder*), «баронъ» и кавалеръ мальтійскаго ордена Ггельстремъ (*Hagelström*), Ладо, родившійся въ Финляндіи (1788 г.) и дезертировавшій изъ своего полка и др. (Кастренъ, стр. 256).

Къ этому же времени въ Гельсингфорсъ прибылъ также и майоръ К. Х. Кликъ—одинъ изъ бывшихъ участниковъ ангальскаго заговора, давно проживавшій въ Петербургѣ, гдѣ успѣлъ приобрести извѣстное довѣріе. Кликъ явился съ письмомъ отъ Спрентпор-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1908 г. № 8.

тена къ Иегергорну (брату ангяльца Иегергорна). Вѣрной доставкѣ сего письма Спренгтпортенъ придавалъ особое значеніе. (Тигерстедтъ, стр. 167). Черезъ парламентаря письмо было доставлено по назначенію (25-го марта н. ст.). Имѣлось также въ виду «показать его и другимъ», но только тѣмъ, которые вполнѣ поймутъ его содержаніе.

Предполагаютъ, что это посланіе не осталось безъ воздѣйствія. (Kongl. Krigsvet Akad. Tidskr. 1896, № 24, стр. 664).

По прибытіи въ Гельсингфорсъ, К. Х. Кликъ вступилъ въ сношенія съ г-жами Анна Густава Бруновъ и Рейтершельдъ. Первой было уже 50 лѣтъ. Она находилась въ близкомъ родствѣ съ Андерсомъ Иоганномъ Иегергорномъ и Г. М. Спренгтпортенемъ. Вторая—молодая, смѣлая и предприимчивая—была замужемъ за капитаномъ Карломъ Вильгельмомъ Рейтершельдомъ и хорошо знала дѣла крѣпости, гдѣ отецъ ея служилъ плацъ-маіоромъ, а она провела большую часть своей жизни.

Установлено, что 7-го (19-го) марта н. ст. г. Рейтершельдъ, предшествуемая русскимъ горнистомъ, подходила къ Свеаборгу. (Kongl. Krigsvet. Akad. Tidskr. 1896, № 24, стр. 658—659).

8-го (20-го) марта Буксгевденъ доносилъ Государю «о томъ неудовольствіи» среди войска въ Свеаборгѣ, которое, по намекамъ различныхъ преданныхъ намъ лицъ, непременно должно вспыхнуть».

Графъ Буксгевденъ, въ отношеніи отъ 24-го марта, писалъ военному министру Аракчееву: «Наконецъ, чтобы имѣть успѣхъ, употребилъ я для того посредства людей, которыхъ расположеніе удалось мнѣ приобрести въ гарнизонѣ. Вы видите, какими средствами была мнѣ возможность найти нужные намъ способы. Они намъ довольно дороги и еще будутъ дороже, но всѣ сіи издержки не могутъ никогда идти въ какое-либо сравненіе съ тѣмъ важнымъ приобретеніемъ, какое можно сдѣлать съ покореніемъ Свеаборга. Я употреблялъ доселѣ экстраординарную сумму. Она теперь кончилась, а какъ вы видите, что въ послѣдствіи надобно мнѣ будетъ сдѣлать гораздо важнѣйшія издержки, то прошу прислать мнѣ для таковыхъ секретныхъ расходовъ отъ 25,000 до 30,000 рублей». Графъ Аракчеевъ отвѣтилъ: «Государь Императоръ надѣется, что если стараніемъ и опытностью вашею сила золотого пороха ослабила уже нѣсколько пружину военную, то и окончательное уничтоженіе оной должно, кажется, исполниться». (Михайловскій-Данилевскій, Спб. 1841 г., стр. 49).

И Бруновъ, и Рейтершельдъ въ послѣдствіи были вознаграждены. Первая, послѣ паденія Свеаборга, получила солидную пенсію, не смотря на то, что ея мужъ никогда не служилъ на русской службѣ. (Kongl. Krigsvet. Akad. Tidskrift. 1896, № 24, стр. 658—659).

О вознагражденіи Рейтершельдъ извѣстно изъ письма графа Буксгевдена къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ гр. А. Н. Салтыкову (отъ 9-го января 1809 г.). «Во время осады крѣпости Свеаборга тамошняго шведскаго гарнизона Адлеркрейцева полка капитана Рейтершельда жена сколько дѣятельностью, столько же и значущимъ вліяніемъ на мужа ея, бывшаго тогда комендантомъ крѣпости Лилла-Эстеръ-Свартъ, а равно и на многихъ того же гарнизона офицеровъ, созданныхъ генераль-адмираломъ Кронстедтомъ въ совѣтъ по случаю предлагаемой конвенціи, приносила въ предпріятіи нашемъ великую пользу и не мало содѣйствовала къ склоненію того совѣта къ сдачѣ крѣпости... Отмѣнное ея усердіе къ пользѣ государства тогда же много вознаграждено съ общаніемъ... обезпечить ее и впредь въ содержаніи». Рейтершельдъ не желалъ остаться въ Финляндіи, «чувствуя, что тѣмъ только приусугубитъ навлекшее уже на себя въ совѣтѣ подозрѣніе служившихъ съ нимъ офицеровъ»... «жена капитана была оставлена своими знакомыми, узнавши о прежнихъ ея сношеніяхъ...» «Посему въ уваженіе оказанныхъ ею въ пользу государства важныхъ услугъ... прошу испросить позволеніе капитану Рейтершельду изъ Галуги, а женѣ его изъ Гельсингфорса, приѣхать въ Петербургъ... и о выдачѣ на проѣздъ суммы... дабы не оглашая выданы были ей лично сіи деньги...» (К. Ординъ. «Покореніе Финляндіи», т. II, приложение № 60, стр. 26).

Итакъ, при осадѣ Свеаборга несомнѣнно прибѣгали къ помощи и женщинъ, и денегъ. Эти обстоятельства не укрылись отъ современниковъ и подобно крылатой «дурной славы» быстро облетѣли міръ.

Въ воспоминаніяхъ К. К. Жерве, относящихся къ періоду, непосредственно слѣдовавшему за войной 1808 г., читаемъ, что «Новая Финляндія до Торнео... была покорена и утверждена за Россією—частію храбростію войскъ и распоряженіями графа Каменскаго, частію, какъ носились слухи, и золотыми пулями. Такъ, говорили, будто бы военный губернаторъ Свеаборгской крѣпости, гр. Кронстедтъ, струсилъ или польстился и сдалъ Свеаборгъ тогда, когда онъ могъ еще долго держаться...» («Историческій Вѣстникъ» 1898 г., май, стр. 423).

Кн. П. Г. Гагаринъ, сопровождавшій Государя въ Финляндію въ 1809 г., написалъ: «новый сей Гибралтаръ не болѣе намъ стоилъ, какъ только нѣсколькихъ недѣль осады, нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, сотни человекъ и переговоровъ». («Тринадцатъ дней или Финляндія». М. 1809, стр. 23).

«Свеаборгъ, неодолима твердыня, сѣверный Гибралтаръ, былъ взятъ или купленъ гр. Сухтеленемъ», отмѣтилъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Ф. Вигель. («Воспом.», изд. 2, ч. III, стр. 41). Князь Волконскій, коснувшись Свеаборга въ своихъ «Запискахъ», заявляетъ: «кошелекъ лучше подѣйствовалъ, нежели бомбы и ядра, и крѣпость сдалась» (стр. 74).

Конечно, пытливые взоры прежде всего устремились на Кронстедта: не онъ ли купленъ былъ русскимъ золотомъ? Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія Швеція, Финляндія и Россія жили въ той увѣренности, что Кронстедтъ продалъ крѣпость.

Правда, что уже въ 1809 г. въ Стокгольмѣ появилась брошюра одного изъ свеаборгцевъ, свидѣтеля хода всей осады—капитана Бота (Both. «Orsakerna till Sveaborgs öfvergång... Stockholm, 1809»). «О причинахъ паденія крѣпости»; въ этомъ сочиненіи авторъ сразу сталъ опровергать всякія расказы «о бочкахъ съ червонцами»; однако, голосу его не вняли. Въ 1832 г. графъ П. К. Сухтеленъ напечаталъ очень солидное и спокойное изслѣдованіе о войнѣ 1808—1809 годовъ. («Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи»), въ которомъ также старался разсѣять всякіе толки о подкупѣ адмирала Кронстедта; но и ему не повѣрили, или, точнѣе говоря, на его заявленіе обращено было очень мало вниманія. Въ сороковыхъ же годахъ за честь Кронстедта заступился профессоръ и ректоръ Гельсингфорскаго университета Габріэль Рейнь; но и его заявленіе было заглушено общераспространеннымъ тогда негодованіемъ на шведскаго адмирала. Не допускалъ, наконецъ, измѣны генералъ Дебельнъ, очень рѣзко и строго осудившій Кронстедта, какъ коменданта. Но всего этого было мало, и дурная молва упорно держалась повсюду.

Свеаборгъ былъ средоточіемъ войны, и потому въ Петербургѣ къ нему проявили въ свое время замѣтный интересъ. Государь уже бесѣдовалъ о немъ съ французскимъ посломъ Коленкуромъ.

Его Величество, писалъ названный французъ въ мартѣ 1808 г., снова заговорилъ о дѣйствіяхъ его арміи въ Финляндіи и сказалъ, что, можетъ быть, представится необходимость идти приступомъ на Свеаборгъ. Я возразилъ ему, что безразлично, взять ли эту крѣ-

пость немного позже или немного раньше, но крайне необходимо перейти заливъ и идти на Стокгольмъ; только это заставитъ всѣ крѣпости сдаться.

«Въ другой разъ Императоръ сказалъ мнѣ, что заложены четыре батареи, которыя начали стрѣлять по Свеаборгу. Въ крѣпости было мало войска и снарядовъ и почти никакого продовольствія. Шведскій генералъ Кронстедтъ, морякъ, который тамъ командуетъ, самъ говорилъ это при вторженіи. Повидимому, онъ рѣшился держаться, но это не будетъ продолжительно, потому что гарнизонъ состоитъ изъ финновъ и плохого войска. Возобновившійся морозъ позволяетъ надѣяться, что эта крѣпость сдастся прежде, нежели ей успѣютъ подать помощь съ моря. Вначалѣ думали взять ее приступомъ. Я никогда не поддерживалъ этого, зная отъ Спренгпортена, что приступъ не могъ быть успѣшнымъ, а неудача въ такой близости отъ Петербурга не могла не вызвать крайняго недовольства и доставила бы новую пищу недоброжелательству. За исключеніемъ этой крѣпости, вся Финляндія завоевана».

Въ слѣдующемъ разговорѣ Императоръ выразилъ надежду на близкую, повидимому, сдачу Свеаборга. «Онъ сказалъ мнѣ, что комендантъ, кажется, расположенъ вступить въ переговоры; Его Величество поручилъ Аракчееву повѣдѣть это и сдѣлать ему всѣ предложенія, которыя могли бы побудить его сдать крѣпость, не пятая своей честью».

По прошествіи нѣкотораго времени Коленкуръ вновь удостоился бесѣды съ Монархомъ. «Подъ конецъ разговора Его Величество объявилъ мнѣ»,—пишетъ посоль,—«что комендантъ Свеаборга подписалъ капитуляцію, которою онъ передавалъ русской арміи три форта, изъ всѣхъ, составляющихъ эту крѣпость, и обя-

Примѣчаніе 1-е. Коленкуръ рассказываетъ, что Царь 4-го апрѣля говорилъ ему: «Намъ достанется Свеаборгъ. Комендантъ уже началъ переговоры и далъ понять, что ему слѣдуетъ дать возможность капитулировать съ честью. Его желаніямъ идти навстрѣчу, такъ какъ его обстрѣливаютъ день и ночь». Посланникъ отвѣтилъ: «Человѣкъ, который такъ много говорить, быть можетъ добивается чего-либо другого, Государь. Можно было бы позондировать его чрезъ какого-нибудь смѣтливаго человѣка». Тогда Государь сообщилъ, что онъ повѣдѣлъ Аракчееву исполнить именно то, что Коленкуръ совѣтуетъ и сдѣлать Кронстедту всякія предложенія, какія могли бы заставить его сдать крѣпость съ честью! (P. Nordmann, Nbl. 1908, № 124).

2-е. Въ дневникѣ ген.-л. Голенничева-Кутузова, подъ четвергомъ 5-го марта 1808 г., читаемъ: «Свеаборгъ еще не взятъ и не можетъ быть взятъ, пока не прибудетъ осадная артиллерія. Даже если комендантъ и имѣлъ бы желаніе сдаться, то, какъ бы онъ могъ это сдѣлать, не попробовавъ выпустить хоть одинъ снарядъ».

заялся 3-го мая передать также другіе, равно какъ и флотилію, если къ этому сроку ему не будетъ прислано съ моря подкрѣпленія въ пять судовъ. Я замѣтилъ, что эта капитуляція обнаруживаетъ въ немъ человѣка неопытнаго, и что если бы его еще обстрѣливали нѣсколько дней, то завладѣли бы скоро всѣми фортами. Императоръ былъ, повидимому, согласенъ съ этимъ, но замѣтилъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ пришлось бы сжечь всю флотилію, тогда какъ теперь онъ получить ее въ цѣлости. Всѣ увѣрены, что море не очистится къ назначенному сроку. (Сборн. Импер. рус. историч. общ. т. 88; стр. 555, 576, 603 и 616).

Недѣлю спустя появилась конвенція въ оригиналѣ. — «Ну, довольны ли вы», — сказала Царь. — «Какъ вамъ нравится этотъ Кронстедтъ, который отдаетъ мнѣ войска своего государя и заранѣе признаетъ уступку Финляндіи?»

27-го апрѣля Александръ сдѣлалъ слѣдующее замѣчательное заявленіе: «Всѣ финскіе офицеры за насъ. Золотой дождь возымѣлъ свое вліяніе во время перемирія; гарнизонъ сильно обработанъ, и, между нами будь сказано, адмиралъ Кронстедтъ имѣетъ искъ къ казнѣ, который я обязался ему уплатить. Это между нами, понимаете, потому что это секретная статья, которую я вамъ сообщаю только потому, что вы для меня иноземецъ, и я вамъ доверяю». (P. Nordmann, Hbl. 1908, № 124).

Когда бесѣды Государя съ Коленкурромъ сдѣлались извѣстными, съ новой силой возникъ старый вопросъ о томъ, насколько «золотой дождь» оросилъ коменданта.

Въ конвенціи, заключенной генераломъ Сухтеленемъ и адмираломъ Кронстедтомъ, находилась «отдѣльная статья», въ которой сказано было: «Поелику адмиралъ Кронстедтъ предложилъ, чтобы въ случаѣ сдачи крѣпости въ назначенный срокъ, по силѣ конвенціи, заплачены были со стороны Россійскаго Императора шведскому правительству издержки, сверхъ опредѣленнаго отъ онаго суммы на содержаніе крѣпости, каковой долгъ по достовѣрнымъ счетамъ составляетъ не болѣе ста тысячъ рейхс-талеровъ шведскою монетою (около 200,000 франковъ), то главнокомандующій Россійскою арміею графъ Буксгевденъ обязывается испросить на то соизволеніе своего Монарха и употребить всевозможное содѣйствіе къ полученію онаго...» (Гр. П. К. Сухтеленъ. «Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи». Спб., 1832 г., стр. 52 и 53). Послѣ сдачи крѣпости, когда среди недовольныхъ и любопытныхъ ходили всевозможные толки о причинахъ, погубившихъ Свеаборгъ,

стали особенно подозрительно относиться къ этой «отдѣльной статьѣ» конвенціи. И такъ какъ общественное мнѣніе болѣе воспримчиво ко всему дурному, то вскорѣ во всѣ стороны разошлись слухи и догадки, что эти 100 тысячъ рейхс-талеровъ являются суммой, предназначенной лично коменданту. Но съ другой стороны документы, которые уже сдѣлались доступными для изслѣдователя настоящаго вопроса, настолько ярко освѣтили дѣло, что по отношенію къ личности Кронстедта не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ полнѣйшемъ безкорыстіи. Въ 1832 году графъ П. К. Сухтеленъ въ своей книгѣ о военныхъ дѣйствіяхъ 1808—1809 гг. заявилъ, что «конвенція сія, въ самомъ дѣлѣ, довольно замѣчательная, а особливо сія послѣдняя статья подала поводъ къ разнымъ толкамъ. Имѣя точныя свѣдѣнія о всѣхъ подробностяхъ сихъ переговоровъ, мы считаемъ обязанностью опровергнуть всякое несправедливое нареканіе въ семъ отношеніи. Мы смѣло утверждаемъ, что самая мысль о постыдномъ подкупѣ чужда была договарившимся сторонамъ. Оба генерала, посѣдѣвшіе на полѣ чести, могли вести переговоры съ различными успѣхами; но они равно неспособны были — одинъ къ предложенію, а другой къ принятію средствъ, противныхъ чести». (П. К. Сухтеленъ, стр. 53—54). Графъ Сухтеленъ могъ сдѣлать подобное заявленіе открыто и громко, въ виду того, что подробности дѣла ему извѣстны были изъ первыхъ рукъ, но, къ сожалѣнію, книга его, для которой онъ добросовѣстно въ продолженіи 17-ти лѣтъ собиралъ матеріалъ и въ которую вписалъ приведенныя слова, составлена была первоначально на французскомъ языкѣ и отпечатана въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ. (Труды Якова Грота. «Изъ Скандинав. міра». Спб., 1898, 584—585). Его правдивое описаніе, которымъ желалъ «заплатить достойную дань воинскимъ доблестямъ двухъ націй», едва было тогда замѣчено.

Финляндскій министръ статсъ-секретарь гр. Р. Ребиндеръ оставилъ послѣ себя записки «Souvenirs de ma vie» (до сихъ поръ не напечатанныя), въ которыхъ онъ коснулся также вопроса о капитуляціи Свеаборга. Оказывается, что адмиралъ Кронстедтъ зимой 1808—1809 гг. пріѣзжалъ въ Петербургъ за полученіемъ той суммы, которая оговорена была въ конвенціи и по сему дѣлу неоднократно обращался къ Ребиндеру, какъ къ финляндскому должностному лицу, прося, на примѣръ представить себя Спернхтпортену, который занималъ тогда постъ финляндскаго генераль-губернатора и Сперанскому, который фактически вѣдалъ всѣ дѣла вновь поко-

реннаго края. У означенныхъ сановниковъ Кронстедтъ просилъ содѣйствія своему дѣлу. По словамъ Ребиндера, Спренгтпортенъ обѣщаль помочь адмиралу, но Сперанскій уклонился, ссылаясь на то, что это дѣло входитъ въ кругъ вѣдомства финансового департамента. Обращался Кронстедтъ и къ Аракчееву, и товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Салтыкову, но безрезультатно. Наконецъ, адмиралъ удостоился аудіенціи у Государя Императора, который милостиво соизволилъ повелѣть (Голубцову) уплатить сполна всю условленную сумму. Это послѣднее обстоятельство удостовѣряется документомъ (отъ 9-го декабря 1809 г.), на которомъ имѣется собственноручная подпись Императора Александра I¹⁾. Государь повелѣлъ выдать Кронстедту пенсію, въ размѣрѣ 4,500 рейхс-талеровъ, и 50,000 рейхс-талеровъ, кои онъ лично потерялъ отъ участія (своими акціями) въ обществѣ спасанія судовъ и грузовъ. Что же касалось убытковъ, понесенныхъ адмираломъ по содержанію крѣпости Свеаборга, то ему предписано было, предварительно полученія денегъ, представить соотвѣтствующіе счета Спренгтпортену для изслѣдованія и провѣрки.

Одновременно Кронстедтъ хлопоталъ и за тѣхъ, которые составляли военный совѣтъ въ крѣпости. Всеподданнѣйшее письмо его объ этомъ изъ Гельсингфорса къ Государю Императору помѣчено 23-го августа 1809 г. («Сборн. истор. матер.», извлеч. изъ архива собственной Его Императ. Велич. канцеляріи; 1890 г., т. III, стр. 294 и 250). Кронстедтъ вчера у меня обѣдалъ,—записалъ Голенищевъ-Кутузовъ въ своемъ дневникѣ (19-го декабря 1808 г.). Онъ печаленъ, какъ будто у него есть что-то на совѣсти. Конечно, еслибъ онъ не сдалъ Свеаборга, Финляндію нельзя было бы удержать за собою. Все для насъ устроилось, какъ нельзя лучше. Только бы мы сумѣли всѣмъ этимъ воспользоваться».

Взятки обставляются таинственностью, а Кронстедтъ дѣйствовалъ при свѣтѣ дня. Съ однимъ уже этимъ обстоятельствомъ необходимо считается. Но не всѣ еще тучи разсѣяны. Не безъ основанія рождаются вопросы о томъ, какъ и почему комендантъ изъ своихъ средствъ продовольствовалъ гарнизонъ, и что это за своеобразное общество спасанія судовъ и грузовъ? Всѣ эти вопросы теперь изслѣдованы, и по каждому изъ нихъ данъ вполне удовлетворительный отвѣтъ. Ребиндеръ отмѣтилъ въ своихъ мемуарахъ, что въ его время въ Гельсингфорсѣ жили еще люди, которые знали,

¹⁾ Предписаніе это приведено у Даниельсона на стр. 252 и тутъ же рассказана интересная исторія сего документа.

что купцы Heydenstrauch и Sederholm изъ патриотизма, безъ всякихъ гарантій и залоговъ, взялись, во время осады Свеаборга, быть банкирами крѣпости. Очевидно, что признательность къ нимъ Кронстедта побудила его сдѣлать все, что было въ его власти, дабы почетнымъ купцамъ были возмѣщены ихъ выдачи. Къ этому Ребиндеръ прибавляетъ, что впоследствии ему Спренгтпортенъ показалъ пачку счетовъ, по которымъ Кронстедтъ уплатилъ долги крѣпости. Что касается общества спасанія судовъ и грузовъ, то установлено, что таковое дѣйствительно существовало въ Швеціи. Оно было учрежденіемъ официальнымъ, и король лично назначалъ его акціонеровъ. Въ дневникѣ, веденномъ извѣстнымъ шведскимъ дѣятелемъ I. A. Эренстремомъ, опредѣленно отмѣчено, что король Густавъ IV Адольфъ, назначая Кронстедта свеаборгскимъ комендантомъ, въ то же время далъ ему акціи названнаго общества, которыя должны были давать ему весьма существенный годовой доходъ (Ehrenstém Nistoriska anteckningear II; 490), такъ какъ общество являлось монопольнымъ. Слѣдовательно, въ свеаборгской конвенціи ничего не было замаскированнаго, и уплоченные 50,000 талеровъ соотвѣтствовали дѣйствительному убытку, понесенному Кронстедтомъ.

Итакъ, дѣло не въ деньгахъ. Не они побудили Кронстедта спустить шведскій флагъ.

Многочисленные его современники объясняютъ неудачу другими причинами.

Эренстремъ, узнавъ, что крѣпость сдалась русскимъ, настолько заболѣлъ, что слегъ въ постель и тѣмъ не менѣе не рѣшился обвинить коменданта въ продажности, какъ это сдѣлало стокгольмское общество, основываясь исключительно на распространенной молвѣ. Въ письмѣ къ своему другу Аминову Эренстремъ, напротивъ, писалъ, что давно уже признавалъ капитуляцію Свеаборга возможной, вслѣдствіе того, что крѣпость не была приспособлена къ защитѣ отъ нападенія зимою съ суши; кромѣ того она, для вѣрной обороны, въ виду своей растянутости, требовала по крайней мѣрѣ 10,000 человекъ и, наконецъ, высоты Ульрикасборга и Бокгольма господствовали надъ ней. «Всѣ теперь считаютъ Кронстедта измѣнникомъ, подкупленнымъ непріятелемъ и даже опредѣляютъ величину той суммы, за которую онъ якобы продалъ себя. Мнѣ же представляется совершенно невѣроятнымъ (alldeles otroligt), чтобы мужъ чести могъ забыться до такой степени... Для меня по крайней мѣрѣ ясно, что главнымъ мотивомъ его поведенія явилась мысль, которую онъ себѣ усвоилъ, что нѣтъ возможности противостоять

волѣ всеильнаго Бонапарта, а также вытекавшая изъ нея увѣренность, что разъ Финляндія въ Тильзитѣ была подарена Россіи, то приведенію въ исполненіе этого декрета не въ силахъ помѣшать никакая человѣческая власть, а потому упорное сопротивленіе Свеаборга дѣлалось бесполезнымъ и даже, если бы оно долго продолжалось, въ состояніи было бы навлечь неисчислимыя несчастія... на Финляндію...¹⁾ На союзъ и помощь Англіи Кронстедтъ также не полагался...²⁾

Р. Ребиндеръ даетъ дѣлу нѣсколько иное освѣщеніе. Онъ неоднократно бесѣдовалъ съ офицерами, находившимися въ Свеаборгѣ, и даже съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые входили въ составъ военнаго совѣта Кронстедта. Объясненія ихъ были довольно согласны между собою. «Они признавали себя виновными въ томъ, что оказались очень слабы и выразили излишнее довѣріе своему начальнику... Всѣ они признавали Кронстедта прекраснымъ въ обыденной жизни; но его несостоятельность сейчасъ же сказала, какъ только измѣнился обычный ходъ дѣлъ. Весьма опытный въ управленіи морскимъ департаментомъ, крѣпостной администраціей и движеніемъ флота, онъ не имѣлъ, однако, достаточно широкаго взгляда и дарованія. И что было важно въ его положеніи, такъ это то, что онъ не обладалъ знаніемъ основныхъ началъ инженернаго искусства обороны крѣпости... Всему этому офицеры приводили (Ребиндеру) соответствующіе примѣры. При этомъ не забывалось, что порохъ расходовался въ непомѣрномъ количествѣ противъ непріятели, находившагося на далекомъ разстояніи, и люди изнурялись безъ всякой пользы. Онъ не дѣлалъ различія между сильными и слабыми пунктами крѣпости, а потому нѣкоторыя мѣста, кои могли быть атакованы, оставались безъ надлежащей защиты, тогда какъ другіе незначительные пункты переполнялись людьми и орудіями».

«Раздался одинъ общій кликъ, старавшійся заклеить Кронстедта именемъ измѣнника: военный судъ подтвердилъ это мнѣніе. Но я,—пишетъ также современникъ событій Де-Сюремень, съ своей стороны, полагаю, что онъ былъ только слабъ. Устрашенный прехвосходствомъ русскаго государства надъ Швеціей, со всѣхъ сто-

¹⁾ T. Hartman, De tre gustavianerna H-fors 1899 г., стр. 231, а также «Русская Старина» 1893 г., октябрь, стр. 57. Г-жа Лампе, жившая во время осады въ домѣ Кронстедта, хвалитъ его прямо и честность и утверждаетъ, что такой человѣкъ не былъ способенъ измѣнить своему долгу и присягѣ изъ за какихъ-нибудь корыстныхъ цѣлей. («Историческій Вѣстникъ» 1889 г., ноябрь, 453).

²⁾ «Славянинъ» (журналъ) 1822, т. VIII.

ронъ подвергавшейся нападенію, убитый духомъ послѣ нашего отступленія и удаленія на сѣверъ Финляндіи, онъ воображалъ, что Финляндія навсегда уже потеряна и считалъ уже рѣшеннымъ, совершившимся то, что было только возможностью. Развѣ не бываетъ случаевъ, что разсудокъ помрачается и такихъ людей, которые въ другое время проявляли большую силу воли? Развѣ мы не видѣли старыхъ генераловъ Фридриха Великаго, которые отворяли ворота крѣпостей какимъ нибудь горсточкамъ французскихъ солдатъ». Далѣе Де-Сюремень перечисляетъ тѣ ошибки, которыя допущены были комендантомъ при оборонѣ крѣпости, и которыя свидѣтельствовали объ его растерянности. Главнѣйшею ошибкою, по мнѣнію автора, было то, что Кронстедтъ принималъ всѣхъ бѣглецовъ съ ихъ семьями, и не догадался сжечь деревянный Гельсингфорсъ, служившій удобною зимнею квартирою для осаждавшихъ. («Финл. Газета» 1903, № 32).

Участникъ защиты Свеаборга Верниельмъ, уѣзжая въ плѣнъ въ Россію, искренно пожелалъ благополучія Кронстедту, «хотя повидимому адмиралъ и виновникъ всѣхъ нашихъ несчастій, но это лишь несчастная ошибка съ его стороны, которая подвергла какъ его самага, такъ и насъ въ это бѣдствіе». (Daniels. Finska Krig. 1808—1809, стр. 668).

Съ этими заявленіями совпадаютъ и другіе голоса современниковъ. Непосредственно за окончаніемъ осады, участникъ сего событія, офицеръ шведской службы I. Г. Ботъ, въ изданной имъ въ 1809 г. въ Стокгольмѣ брошюрѣ «О причинахъ сдачи Свеаборга и положеніи его во время осады», писалъ: «Нѣтъ, я заботливо стараюсь доказать, что неумѣнье, по крайней мѣрѣ на половину, принимало въ этомъ участіе»...

Сынъ Бойе рассказывалъ, что онъ однажды подслушалъ слѣдующій разговоръ между своимъ отцомъ, маіоромъ Андерсомъ Бойе и маіоромъ П. Х. Оливестамомъ: Бойе спрашиваетъ Оливестамъ: «Ну, братъ, скажи, какъ это случилось, что Свеаборгъ сдался на капитуляцію?» — Маіоръ отвѣтилъ: «клятвенное обѣщаніе запрещаетъ мнѣ открыть что либо объ этомъ. Одно, что могу сказать, это то, что насъ безсовѣстно надули». (P. Nordmann, Hbl. 1908, № 124).

Затѣмъ справедливость побуждаетъ добавить, что около Кронстедта не оказалось ни одного способнаго офицера, съ дарованіемъ или познаніями; артилеріей руководилъ неопытный субалтернъ, а остальные были совершенною заурядностью.

Адмиралу представилось, что полковникъ Йегергорнъ (Jägerhorn) по своему чину, возрасту и положенію наиболѣе въ состояніи быть его совѣтникомъ и помощникомъ. Йегергорнъ родился въ Финляндіи и, подобно большинству офицеровъ того времени, являлся сторонникомъ Спренгпортена и убѣжденнымъ послѣдователемъ его плана о самостоятельности Финляндіи. Никакими дарованіями Йегергорнъ не обладалъ, кромѣ большой склонности къ интригамъ; военное дѣло ограничивалось для него исполненіемъ нѣкоторыхъ формальностей. Такимъ образомъ, Кронстедтъ въ выборѣ своемъ оказался очень несчастливъ.

Йегергорнъ началъ съ внушенія адмиралу, что крѣпость не въ состояніи продержаться до мая, если не подоспѣтъ помощь изъ Швеціи. По этому вопросу ему удалось склонить на свою сторону начальника артилеріи—маіора Нjärne, любимымъ занятіемъ котораго являлась прогулка по комнатѣ въ халатѣ и туфляхъ. Нjärne докладывалъ коменданту, что пороха не хватитъ до открытія навигаціи. Йегергорнъ, кромѣ того, доказывалъ, что по льду непріятелю легко съ орудіями подойти къ крѣпости и взять ее, такъ какъ стѣны ея, обращенныя къ суши, или плохо построены, или не окончены. Поэтому вопросъ, по его мнѣнію, сводился къ тому, какъ продержаться до прибытія подкрѣпленія.

Отъ членовъ свеаборгскаго военнаго совѣта Р. Ребиндеръ слышалъ, что на совѣщаніяхъ обыкновенно рѣчь держалъ одинъ Йегергорнъ, постоянно повторяя свои излюбленные доводы. Тѣхъ, кто намѣревался оппонировать, полковникъ круто и повелительно обрывалъ. Кронстедтъ въ большинствѣ случаевъ молчалъ. «Финляндія находится во власти непріятеля», говорилъ Йегергорнъ; «Швеція, внѣ всякаго сомнѣнія, безсильна воспрепятствовать ея покоренію; это сознается самимъ правительствомъ, не имѣющимъ ни союзниковъ, ни денегъ, ни людей въ достаточномъ количествѣ. Война въ дѣйствительности окончена, и Царь Александръ, состоящій въ союзѣ съ Наполеономъ, не отдастъ такого хорошаго пріобрѣтенія. При такомъ положеніи дѣла, продленіе сопротивленія Свеаборга не окажетъ никакой услуги Швеціи, оно явится только напраснымъ кровопроліемъ, и Финляндія погружена будетъ въ глубокую скорбь... Пусть опредѣленіе судьбы исполнится! Сдѣлавшись русскими, мы будемъ только счастливы, мы получимъ большую стойкость, подати будутъ понижены и т. д. Подобными разсужденіями—увѣряетъ Ребиндеръ—Йегергорнъ пробовалъ воздѣйствовать не только на коменданта, но и на тѣхъ офицеровъ, кото-

рые могли имѣть какое-либо значеніе въ совѣтѣ. И Йегергорнъ достигъ своей цѣли. Комендантъ былъ «убѣжденъ», что, открывъ ворота крѣпости, онъ окажетъ услугу Финляндіи, Россіи и человѣчеству, не причинивъ въ то же время особеннаго вреда Швеціи».

Факты, приведенные Ребиндеромъ, группируются, слѣдовательно, въ цѣлый обвинительный актъ противъ Йегергорна. Помимо указанного, Ребиндеръ не безъ основанія подчеркиваетъ ученіе о независимой Финляндіи, которое насаждено было въ краѣ Спренгпортеномъ и его анъяльскими единомышленниками-заговорщиками за тридцать лѣтъ до свеаборгской катастрофы. Комендантъ крѣпости оказался случайнымъ орудіемъ въ рукахъ послѣдователей этого ученія. Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Ребиндеръ,—«Спренгпортенъ оказалъ Россіи болѣе важную услугу, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. То, что посѣялъ этотъ честолюбивый ветеранъ, взросло теперь, и капитуляція Свеаборга является, если не первымъ, то, во всякомъ случаѣ, наиболѣе крупнымъ его плодомъ».

Такъ поясняется Ребиндеромъ свеаборгское дѣло въ его дневникѣ. (Castrén, стр. 263).

Остается еще одно обстоятельство. Оно указано въ разсказѣ г-жи Лампе (урожденной баронессы Врангель), но до сихъ поръ не разслѣдовано шведо-финскими историками. Лампе во время осады Свеаборга гостила въ семьѣ Кронстедта. «Однажды, говоритъ она,—«сидѣли мы за обѣдомъ, когда Кронстедту было передано письмо изъ Швеціи. Прочитавъ письмо, онъ поблѣднѣлъ; затѣмъ заперся въ своемъ кабинетѣ и не выходилъ оттуда три дня. Черезъ три дня вышелъ, наконецъ, грустный и убитый, и объявилъ, что долженъ сдать Свеаборгъ. Письмо онъ уничтожилъ, говоря, что одинъ принимаетъ всю вину на себя. Впослѣдствіи, онъ какъ будто проговорился, что получилъ приказаніе изъ Швеціи сдать крѣ-

Примѣчаніе. Шведскій писатель г. Петредли обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Казалось бы, что общій ходъ дѣла по сдачѣ Свеаборга, долженъ былъ бы открыть глаза Кронстедта на поведеніе Ф. А. Йегергорна, и прежній комендантъ долженъ былъ бы возненавидѣть его, какъ своего злѣйшаго врага. Но въ дѣйствительности мы находимъ совершенно противоположное. Въ Historiallinnen Arkisto (Т. IX, стр. 308 и др.) находятся нѣсколько писемъ за мартъ и апрѣль 1810 г., Кронстедта къ Йегергорну; эти письма полны довѣрія и дружественнаго расположенія къ Йегергорну и подписаны «съ постоянной дружбой, всегда готовый», или «съ вѣчной дружбой всегда готовый къ твоимъ услугамъ». Правда, что подписи часто гнутъ, но когда содержаніе, тонъ и подпись гармонируютъ между собою, то лжи нельзя предположить. (Kongl. Krigsvet. Akademi. Tidskr. 1897, № 4, стр. 95, Petrelle).

пость, такъ какъ тогда уже было рѣшено низложить короля Густава IV». (Историч. вѣстн. 1889, ноябрь, стр. 453). Лампе со своимъ заявленіемъ не стоитъ одиноко. Въ дневникѣ Алопеуса читаемъ: «Опять здѣсь (въ Финляндіи) полагаютъ, что Кронстедтъ сдалъ Свеаборгъ съ согласія короля, ибо сказываютъ, что черезъ Ригу проѣхалъ шведскій курьеръ съ письмами къ Кронстедту отъ короля. (Publikationer ur de Alopoeiska fiappren. Dagboksanteckningar; стр. 87).

Шведъ, генералъ ванъ-Кардель, назвалъ сдачу Свеаборга психологической загадкой. «Мы льстимъ себя тѣмъ, что рѣшили ее», отвѣтилъ на это генералъ ванъ-Сухтеленъ, которому приписывается также заявленіе, что «одной лишь военной силой невозможно было взять Свеаборга». (Рус. Стар. 1903, августъ). Но при всемъ томъ сила, сокрушившая мощь шведской твердыни, не въ золотомъ порохѣ. Его употребляли въ крѣпости въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно склонны предполагать. Это должны были признать стокгольмскіе изслѣдователи. (См. напр. Норденсванъ, «1808», стр. 117).

Безъ всякаго сомнѣнія, заявляетъ Норденсванъ, ни Кронстедтъ, ни Йегергорнъ во время осады никакихъ денегъ не получали. Не получили ихъ и другіе члены военнаго совѣта крѣпости, и они влачили остатки своихъ дней въ весьма стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Въ крѣпости, повидимому, больше всего вліяло чувство покинутыхъ на произволъ судьбы, безнадежность за участь Швеціи и Финляндіи, безнадежность, которую поддерживали какъ русскіе, такъ и письма изъ Швеціи. (Норденсванъ, стр. 117).

Упадокъ духа стубилъ гарнизонъ крѣпости. Слабаго закала оказался ея комендантъ, еще слабѣе проникнуты были сознаниемъ долга его подчиненные.

Взятіе Свеаборга, справедливо замѣтилъ П. Н-ѣ (въ Рус. Инвалидѣ 1908, № 93), являетъ собою оригинальный примѣръ успѣшнаго воздѣйствія на духовную сторону противника. Если военное искусство рекомендуетъ «подставлять врагу сильную сторону и уклонять слабую» (Лееръ, Стратегія I, 204), то столь же рационально, познавъ слабыя стороны противника, пользоваться ими съ выгодой для себя. Достиженіе всякой побѣды «съ легкимъ трудомъ и малою кровью» (слова Петра Великаго) только прибавляетъ лишніе лавры къ вѣнку побѣдителя. Въ данномъ же случаѣ, успѣхъ громадной важности достигнуть былъ почти безъ всякой крови. Не будь «психологическихъ мѣръ», Свеаборгъ, вѣроятно, продержался

бы до лѣта и въ періодъ шведскихъ успѣховъ сыгралъ бы для насъ весьма неблагоприятную роль.

21-го апрѣля Буксгевденъ послалъ коменданту требованіе о сдачѣ и получилъ согласіе. 21-го апрѣля 1808 г. наши войска начали занимать Густавъ-Свердъ (нынѣ о. Артилерійскій). «Черезъ два или три дня будутъ также въ рукахъ нашихъ и другія (укрѣпленія), писалъ Буксгевденъ. (Дубровинъ, стр. 6—7). Передача крѣпости совершилась такъ: Русскій осадный корпусъ сталъ въ ружье, артиллеристы—у орудій съ зажженными пальниками, готовые, по первому знаку, начать канонаду. Подъ звуки военной музыки шведы выступили изъ крѣпости, и, по отдачѣ другъ другу чести, военно-плѣнные сложили оружіе. вмѣстѣ съ войсками сдавались морскія команды и прочее населеніе крѣпости. Наконецъ, послѣднимъ оставилъ крѣпость комендантъ, вручившій ключи и крѣпостной флагъ.

Легко себѣ представить чувства покидавшихъ гордую твердыню Швеціи. По словамъ очевидца Durietz'a, «отчаяніе и печаль замѣтны были въ выраженіяхъ толпы. Всѣ плакали—начальство, солдаты и жены. Проклятія и брань сыпались по адресу адмирала и совѣта. Наканунѣ вечеромъ съ гауптвахты присланы были 6 капраловъ для охраны адмирала». (P. Nordmann, Hbl. 1908, № 120).

Въ своемъ дневникѣ фонъ-Брейтхольцъ писалъ: «3-го мая 1808 г. (н. ст.) я попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, вмѣстѣ съ моимъ полкомъ и со всѣмъ гарнизономъ Свеаборга. Противъ Гельсингфорса на льду мы сложили оружіе, которое сейчасъ же было взято русскими. Этотъ для каждаго истиннаго воина унижительный актъ болѣзненно отзывался даже на грубомъ солдатѣ. Со слезами на глазахъ онъ протягивалъ свою дрожащую руку на прощаніе начальству. Здѣсь порывалась военная связь, никто не отдавалъ приказанія, никто больше не повиновался».

«Итакъ, послѣдней надежды Швеціи не стало,—писалъ Бладъ (Bladh), когда вѣсть о паденіи Свеаборга достигла Эстерботнія; нѣтъ надежды, свидѣтельствовавшей о ея прежней силѣ. Всѣ мы прослезились—это было ужасно». (Bladh, 20). При извѣстии о паденіи Свеаборга король плакалъ (сообщ. генер. Аминовъ).

26-го апрѣля состоялся общій парадъ новому гарнизону крѣпости и молебствіе у могилы памятника Эренсверда, а затѣмъ сто-однимъ пушечнымъ выстрѣломъ было возвѣщено urbi et orbi о поднятій русскаго флага на Густавсвердѣ.

При взятіи Свеаборга нами получены трофеи: 7,503 военно-плѣнныхъ, 2,033 орудій, 340,000 снарядовъ, около 9,000 ружей, 110 военныхъ судовъ и т. д. (См. Швед. война, швед. генер. штаба, стр. 129—140).

Потеря гарнизона доходила лишь до 6 убитыхъ и 32 раненыхъ. (Nordmann, Hbl. 1908, № 120).

Капитуляція Свеаборга рѣшила всю кампанію и участь Финляндіи, а потому событіе 26-го апрѣля 1908 г. имѣетъ первостепенное значеніе. «Свеаборгъ—есть главная цѣль» твердилъ Спренгтпортенъ, радовавшійся также способу взятія этой крѣпости. (Castrén: Grefve R. H. Reh binder; Skildringar ur Finlands nyare historia, sid 264.—Sven. Gen. Stab. 1808—1809 års krig, стр. 45—46).

Со взятіемъ Свеаборга получена была важная стратегическая позиція того времени, позиція, отъ которой зависѣло господство въ краѣ. «Свеаборгъ», говоритъ шведскій офицеръ современникъ 1808 г. Де-Сюремень, былъ единственною твердынею, которою располагала Швеція въ Финляндіи и возведеніе которой стоило несмѣтныхъ суммъ. Не овладѣвъ этою крѣпостью, непріятель никогда не могъ бы считать себя «господиномъ Финляндіи». Поэтому потеря Свеаборга была «неизмѣрима», а въ силу условій капитуляціи и непоправима. (Де-Сюремень. «Финл. Газета» 1903 г., № 32).

Графъ Буксгевденъ увѣдомлялъ о взятіи Свеаборга—«о семь столь полезной для Россіи пріобрѣтении, съ которымъ открываются намъ обширнѣйшіе способы»,—желалъ дабы оно было достойно привѣтствовано въ Петербургѣ, ибо «такого пріобрѣтениа Россія давно не дѣлала». При Екатеринѣ принято было возвѣщать народъ о прібытіи посланныхъ съ важными и радостными извѣстіями.

Буксгевденъ желалъ, чтобъ и теперь ген.-лейт. Коновницынъ былъ такъ встрѣченъ, и чтобы возвѣстить «черезъ почтальоновъ», которые должны были бы ожидать его у шлагбаума и затѣмъ проводить черезъ городъ, играя на своихъ инструментахъ (Дубровинъ стр. 6—7).

Получивъ извѣстіе о взятіи Свеаборга, Императоръ прислалъ къ Коленкуру въ 1 ч. ночи своего генераль-адъютанта съ собственноручной запиской, а 28-го апрѣля (10-го мая) 1808 г. Императоръ Александръ I написалъ Наполеону: «Государь, мой братъ! Свеаборгъ сдался 21-го апрѣля (3-го мая), и я спѣшу сообщить это в. в-ву, какъ вѣсть, не безынтересную въ данную минуту.

Ваша дружба ко мнѣ укажетъ въ ней и другой интересъ, въ которомъ я не сомнѣваюсь и который мнѣ очень дорогъ. Мѣстность эта находится среди скалъ и вооружена 1,900 пушками. Я завладѣлъ также военной флотиліей въ 100 кораблей; наконецъ, это событіе завершаетъ завоеваніе Финляндіи. (Сборн. Импер. Рус. Историч. Общ. т. 88, стр. 690—693).

Петербургъ имѣлъ основаніе радоваться. Россія закрѣпила свое положеніе на Балтійскомъ морѣ. Но сѣверная столица ограничилась официальнымъ торжествомъ. Газеты почему то не спѣшили оповѣстить публику о событіи такой важности, вслѣдствіе чего въ обществѣ порождались нежелательные слухи. «Завтра, т. е. 27-го апрѣля, — писалъ въ дневникѣ Голенищевъ-Кутузовъ, — будетъ большое церковное и военное торжество въ честь завоеванія Финляндіи. — Будетъ литургія въ церкви Исакія и парадъ. Что мнѣ особенно понравилось это то, что царская фамилія будетъ находиться въ особой галереѣ, которая сооружена у памятника Петра Великаго, и военные почести будутъ раздѣлены съ великимъ чело-вѣкомъ. Идея эта такова: сдѣлать Петра причастнымъ торжеству въ честь того, чему онъ положилъ начало».

«Сегодня былъ большой парадъ и молебень за взятіе крѣпости Швабурга (т. е. Свеаборга); сею операціею оканчивается Шведская война, читаемъ въ запискахъ А. Я. Булгакова. Шведскія знамена были выставлены. (Булгаковъ, А. Я. Русск. Арх. 1899, № 3, стр. 402).

При молебствіи, по взятіи Свеаборга, въ Исаакіевскомъ соборѣ, было въ немъ очень мало публики, и проходившіе по улицамъ, слыша пушечные выстрѣлы въ крѣпости, спрашивали, по какому случаю палать. Услышавъ, что это дѣлается по случаю взятія важнѣйшей крѣпости въ Финляндіи, всякъ изъ нихъ, махнувъ съ досады рукой, въ раздумьѣ шелъ далѣе. Русскій народъ чуялъ, что не тамъ развяжется трагедія, которая готовилась въ Европѣ (записки Греча, стр. 268).

Король Швеціи, узнавъ о сдачѣ Свеаборга, повелѣлъ немедленно предать полемому суду коменданта и весь его военный совѣтъ. Судъ въ Торнео (11-го февраля н. ст. 1809 г.) заочно вынесъ Кронстедту и его несчастнымъ боевымъ товарищамъ смертный приговоръ, въ которомъ говорилось, что бывший вице-адмиралъ Карлъ Олофъ Кронстедтъ и одиннадцать другихъ членовъ военнаго совѣта приговорены къ лишенію правой руки, обезглавленію и колесованію. Обстоятельства сложились такъ, что приговоръ этотъ не былъ

утвержденъ верховною властью, но тѣмъ не менѣе имя Кронстедта переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ имя измѣнника, подкупленнаго русскимъ золотомъ.

Въ XI главѣ Фридрихсгамскаго мирнаго договора говорится, что прошлое будетъ предано вѣчному забвенію. Заподозрѣнные шведскіе или русскіе граждане освобождаются отъ всякаго законнаго преслѣдованія. «Впослѣдствіи за подобныя причины не будетъ производиться судъ надъ ними, и если таковой уже начать, то слѣдуетъ прекратить его и упразднить».

Лично Кронстедтъ до такой степени былъ спокоенъ душой и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, что выговорилъ себѣ свободный возвратъ въ Швецію, желая тамъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи. Его едва убѣдили отказаться отъ столь рискованнаго шага. Онъ остался и, 12 лѣтъ спустя, окончилъ свои дни въ Финляндіи, «всѣми забытый и презираемый соотечественниками».

М. Бородкинъ.

